

Александр УРМАНОВ

Амурский Саша Черный

В предреволюционное десятилетие самым ярким, самым талантливым художником слова Приамурья был Федор Иванович Чудаков — сатирик, поэт, сотрудник ряда благовещенских газет и журналов, печатавшийся под псевдонимами Гусляр, Амурец, Босьяк, Язва, Кузьма Резниченко, Гражданин Уклейкин и др. Его острые стихотворные фельетоны, в том числе на темы местной жизни, пользовались огромным успехом у читателей, но при этом часто вызывали недовольство властей. Чудаков многократно подвергался цензурному давлению, судебным преследованиям, арестам. Известность его в то время выходила за пределы Приамурья и распространялась на обширный Сибирско-дальневосточный регион. Автор вышедшего в 1916 году в Иркутске «Словаря сибирских писателей, поэтов и ученых» М. Е. Стож писал: «Язва — псевдоним — талантливый поэт-фельетонист дальневосточных газет, прекрасно владеет стихом, остроумен. Дарование его широко выбивается из рамок газетного фельетона». Спустя несколько лет, уже после трагической смерти Ф. Чудакова, высокую оценку его творчеству дал сибирский критик М. Басов. Чудаков назван был им «несомненно крупным поэтом», в стихах которого можно найти «ценные отзвуки целой эпохи и жизни Приамурья».

Однако в настоящее время имя Федора Чудакова незаслуженно забыто, упоминаний о нем нет ни в одном современном сибирском или дальневосточном справочнике; произведения в течение почти столетия не переиздавались* и современные читатели практически полностью лишены возможности познакомиться с творчеством одного из немногих подлинных мастеров художественного слова Приамурья начала XX века. Возможно, по этой причине литературная жизнь Благовещенска того периода даже искушенным людям кажется иногда пустынной и малоинтересной.

Перу Чудакова принадлежат не только стихотворные фельетоны и лирические стихи (в чем он был особенно силен), но и произведения других жанров — приключенческая повесть «Дочь шамана», повесть «Из детства Ивана Грязнова», пьеса «Изгнанники», многочисленные очерки и рассказы. Вообще же судьба весьма обширного (и, разумеется, неравноценного) литературного наследия Чудакова незавидна: большая часть его произведений, в том числе и весьма талантливых, актуальных и поныне, затерялась на страницах амурской периодики начала XX века и сейчас практически недоступна. Печально, но факт: ни в одной из библиотек Благовещенска (равно как в областном краеведческом музее и областном архиве) нет более-менее полных комплектов местных перио-

* Единственное исключение — небольшая подборка произведений Ф. И. Чудакова в 7-м выпуске (2008) альманаха «Амур», который издается Благовещенским государственным педагогическим университетом.

дических изданий дореволюционного времени. Но и в центральных российских архивах и библиотеках ситуация ненамного лучше.

Большая часть творческого наследия Чудакова (в том числе и его личный архив), видимо, навсегда утеряна. Но есть и факты обнадеживающие. До недавнего времени считался утраченным сборник лирических стихотворений Ф. Чудакова «Пережитое», изданный под псевдонимом «Босьяк» в Благовещенске в 1909 году и сразу же конфискованный по распоряжению властей. В то, что сохранился хотя бы один экземпляр сборника, не верил даже автор. Через девять лет, включая в первый номер своего сатирического журнала «Дятел, беспартийный» новый вариант стихотворения «Евшан-трава», Чудаков не преминул указать в примечании, что впервые оно было напечатано в сборнике «Пережитое». Что касается судьбы самого сборника, то он, по словам поэта, «по постановлению прокурора был конфискован и сейчас едва ли где имеется хоть один экземпляр этой книжечки». В вышедшем в конце 2008 года седьмом выпуске издаваемого Благовещенским государственным педагогическим университетом литературно-художественного альманаха «Амур» автор этих строк сообщил, что книга найдена. Здесь же была напечатана и составленная автором этих строк подборка стихотворений из нее. Чтобы оценить значимость этого культурного события, нужно вспомнить, что амурские читатели получили уникальную возможность познакомиться с талантливыми лирическими произведениями раннего Чудакова спустя без малого сто лет после издания книжки. Копия этого раритетного издания хранится ныне в литературно-краеведческом музее БГПУ.

Безвозвратно утраченным считался и сборник стихотворных фельетонов «Шпильки» (1909). После его выхода против автора и издателя было возбуждено судебное преследование, в результате чего сборник был изъят из обращения и бесследно исчез. Спустя годы в воспоминаниях, печатавшихся в журнале «Дятел, беспартийный» (1918), Ф. Чудаков рассказывал об этом с присущим ему чувством юмора: «Главному управлению по печати так понравился сборник “Шпильки”, что оно через прокурора распорядилось приобрести все издание для нужд правительства и тщательно сохранять его в архивах жандармского управления. Приобретение состоялось, как говорится, “даром”, ибо денег автору не заплатили, но так как все-таки было неловко ничего не платить, то автору дали в виде единовременного пособия шесть месяцев тюрьмы».

В течение столетия о судьбе «Шпилек» ничего не было известно, хотя, как мы знаем, основатель литературного краеведения Приамурья А. В. Лосев (1927–2002) много усилий и времени потратил на то, чтобы обнаружить сборник в региональных и центральных книгохранилищах и архивах (в том числе в архивных делах жандармского ведомства). И вот сегодня, спустя ровно век после выхода книги, произошло то, на что мало уже кто надеялся — сборник стихотворных фельетонов Федора Чудакова «Шпильки» обнаружен, найден. Это очень и очень значимое событие, настоящая литературная сенсация, причем отнюдь не местного, не областного масштаба. Книга (единственный на сегодняшний день сохранившийся экземпляр) находится в Благовещенске, в одной из частных библиотек*.

* Владелец раритета — благовещенский библиофил Сергей Николаевич Лафин, который, по его словам, приобрел сборник Чудакова года три назад. «Шпильки» переплетены вместе с еще одной редкой книгой — «Осада Благовещенска и взятие Айгуна» (Благовещенск, 1901), автором которой является редактор-издатель «Амурской газеты» А. В. Кирхнер (1860–1903). Ранее эта сдвоенная книга находилась в личной библиотеке жителя Зеи Василия Андреевича Ланкина. Сведениями о том, каким образом, когда и от кого она попала к нему, мы не располагаем. С. Н. Лафин не придавал особого значения своему приобретению, так как не предполагал, что сборник «Шпильки» считается утраченным.

Прежде чем обратиться к сборнику «Шпильки», вспомним биографию Чудакова — прежде всего те ее факты, которые имеют непосредственное отношение к найденной книге — к обстоятельствам, связанным с ее созданием, а также к ее тематике и проблематике.

Федор Иванович Чудаков родился в 1887 году (более точная дата рождения, к сожалению, не установлена) в городе Чембаре (ныне г. Белинский) Пензенской губернии в семье сапожника. Учился в Чембарском городском трехклассном училище, окончил его в 1903 году. Сведений о том, что Чудаков окончил какое-либо иное учебное заведение, нет. Между тем творческое наследие писателя свидетельствует, что он имел обширные познания в разных сферах жизни и культуры, был весьма начитанным человеком, обладал развитым эстетическим вкусом.

В 1906 году за участие в революционной деятельности, а именно за связь с партией социалистов-революционеров (обратим внимание на этот факт, так как он найдет продолжение), Чудаков был арестован, но вскоре освобожден. Второй раз его арестовали в 1907 году за распространение эсеровских революционных прокламаций. На этот раз царская Фемида оказалась не столь милостивой: Чудакова приговорили к трем годам ссылки, которую ему пришлось отбывать в одном из сел далекой от родных мест Енисейской губернии. Однако через год Чудаков бежал в Красноярск, где сблизился с еще одним беглым политическим ссыльным — Дмитрием Чернышевым, а также с его гражданской женой Варварой Протопоповой, приехавшей в Сибирь из Вятской губернии для того, чтобы ухаживать за любимым человеком, заболевшим чахоткой. Скрываясь от розыска, в сентябре 1908 года втроем они отправились в Приамурье, в далекий и потому, видимо, казавшийся спасительным Благовещенск, куда молодые люди добрались в начале октября. Поселились тоже вместе, на одной квартире, в доме по Амурской улице.

Ф. Чудаков, живший в городе по подложному паспорту, выданному на имя крестьянина Енисейской губернии Кузьмы Ивановича Резниченко, начал сотрудничать в газетах «Амурский край» и «Торгово-промышленный листок объявлений», опубликовал там несколько стихотворений, рассказов и очерков за подписью «К. Рез.» и «К. Резниченко». В. Протопопова, которая на родине была учительницей женской гимназии, стала зарабатывать на жизнь частными уроками. А вот Д. Чернышев вскоре после приезда в Благовещенск покончил жизнь самоубийством, потеряв надежду на излечение и не желая быть обузой для близких людей. Варвара Протопопова вскоре стала женой Федора Чудакова.

В конце декабря полиция вышла на след беглеца, и в первые дни января 1909 года он был арестован и препровожден в Благовещенскую тюрьму. После отбытия наказания за побег с места ссылки (сравнительно короткой — в 1909-м и более продолжительной — в 1910 году) Чудаков жил в Благовещенске под гласным надзором полиции.

В сборнике лирических стихотворений «Пережитое» (1909), который, как отмечалось выше, долгое время считался утраченным, отразились факты биографии Чудакова, относящиеся ко времени его бегства из енисейской ссылки и первых месяцев жизни в Благовещенске. Автобиографическая природа этих произведений, в частности, помогает понять характер отношений Ф. Чудакова и В. Протопоповой, позволяет сделать вывод, что они строились не только на чувственном влечении, но и на идейной близости:

*Ты в трауре... Лицо твое бледно,
И темные полосы под глазами.
Не плачь, о нем утешься! Все равно
Его не воскресишь слезами!*

*Он был герой. Он мужественно пал
В защиту драгоценнейшей идеи.
Его народ своей надеждой звал,
И трепетали фарисеи....
Он был герой. О нем ты не грусти!
Его не воскресишь слезами!
Сильнее будь! Иди и мсти!
Иди за нами!*

«Майское...», «Смерть Икара», «Тюремные мотивы», «Из пережитого», «Побег», «Крепок мой посох дубовый» и некоторые другие стихи, вошедшие в сборник «Пережитое», свидетельствуют о незаурядности поэтического дарования Федора Чудакова.

Что касается Варвары Протопоповой, то история взаимоотношений с Дмитрием Чернышевым и Федором Чудаковым, история, которая привела ее, девушку из небольшого вятского городка Малмыж, вначале в Сибирь, а затем на Дальний Восток, в Благовещенск, нашла отражение и в сборнике «Шпильки» — в венчающем книгу стихотворении «Светлана». Оно строится как подражание одноименной балладе В. А. Жуковского, но содержание сна, конечно же, иное — в нем воссоздается канва подлинных, реальных жизненных событий, приведших героиню в Сибирь и на Дальний Восток. И здесь следует сказать об одном важном обстоятельстве. Найденный экземпляр сборника «Шпильки» содержит две уточняющие приписки от руки, сделанные кем-то, кто, похоже, хорошо знал Чудакова, кто был посвящен в его творческую лабораторию. Первая приписка — расшифровка фамилии городского врача в эпиграфе стихотворного фельетона «Эстеты». В авторском тексте он обозначен одной буквой — Т. В рукописной приписке фамилия восстановлена полностью — Таубер. Вторая рукописная вставка имеет отношение к стихотворению «Светлана», к заключительному его фрагменту:

*...Вся в поту, дрожа слегка,
Девушка проснулась,
И тяжелая рука
До нее коснулась.
«Ну, чего ты дрыхнешь? Встань!»
И Светлана, точно лань,
Задрожала в страхе.
Перед ней стоял гигант:
То жандармский был сержант,
В бурке и папахе...
(Прод. известное.)*

Так вот, прямо под финальной строчкой «Прод. известное» («прод.» здесь — продолжение. — А. У.) от руки, характерным женским почерком, дописано: «(Три месяца в тюрьме)». Прототипом Светланы в стихотворении Чудакова, как нетрудно догадаться, была Варвара Протопопова. Если допустить, что автор рукописной вставки знал обстоятельства ее жизненной судьбы (а это очень похоже на правду), тогда, возможно, следует внести важное уточнение в имеющиеся биографические сведения о благовещенском периоде жизни Варвары Ипполитовны. В своем неоконченном очерке о Ф. Чудакове А. В. Лосев писал по этому поводу: «Поскольку за учительницей гимназии из Малмыжа, кроме отношений с политическими, не числилось никаких “преступных деяний”, она после задержания и допроса в жандармском розыском пункте была выпущена

на свободу». Приведенные выше обстоятельства дают основание считать вопрос о сроках пребывания Варвары Протопоповой-Чудаковой за решеткой, по крайней мере, открытым, нуждающимся в уточнении.

Вернемся к автору найденной книги. После отбытия кратковременного тюремного заключения в начале 1909 года он продолжил активно сотрудничать с местными периодическими изданиями. В них и были опубликованы его сатирические стихотворения, часть из которых была собрана в том же году под обложкой «Шпилек».

На титульном листе сборника, помимо указания на типографию, выпустившую книгу («Типография т-ва Б. С. Залеский и К°»), значится: «Издан Д. Челеби». Д. Челеби — это Даниил Абрамович Челеби. Под такой фамилией (с паспортом на это имя) в Благовещенске с 1907 года жил Иосиф Александрович Постернак. Как установил А. В. Лосев, он родился в 1887 году в городе Очакове Николаевской области Украины и происходил из мещан. Челеби был сотрудником ряда периодических изданий Приамурья, редактором-издателем газет «Амурский телеграф» (1913–1914), «Амурский листок» (1913–1914), журнала «Амурские волны» (1914) и т. д. Именно Челеби (Постернак) в 1909 году выступил в явно рискованной роли издателя сборника сатирических стихотворений Ф. И. Чудакова «Шпильки», за что, как и автор книги, подвергся судебным преследованиям.

Сборник включает семнадцать стихотворных произведений Чудакова. Почти все они (за исключением разве что упоминавшегося выше стихотворения «Светлана») имеют ярко выраженный сатирический характер. Собственно, на это указывает уже псевдоним, под которым автор выпустил книгу — Язва, а также название сборника. Шпилька по Далю — в одном из прямых значений «спица, остроконечный прут», «род острого гвоздочка»; в переносном — «намек, либо наветка, обиняк, укор, попрек, колкое словцо». Современный словарь дает следующее толкование: «Колкое, язвительное замечание, колкость».

Чудаков подобрал на редкость удачное название для своей книжки. Действительно, колкость, язвительность — отличительные черты стиля «Шпилек». Судя по всему, стихотворный фельетон — любимый жанр Ф. Чудакова, органичный для него. Как известно, фельетон — это остро злободневное художественно-публицистическое произведение сатирической направленности, как правило предназначенное для публикации в газете или журнале. По складу своего характера и темпераменту, по своей бескомпромиссной гражданской позиции, по художественному дарованию, наконец, Федор Чудаков был прирожденным фельетонистом. Его талант расцветал в те годы, когда в России появилась целая плеяда блестящих сатириков — А. Аверченко, Н. Тэффи, Саша Черный, когда издаваемый в Петербурге еженедельный сатирический журнал «Сатирикон» (1908–1914) стал одним из самых популярных в стране периодических изданий. Сложись судьба Федора Чудакова иначе: окажись он в столице, в среде профессиональных литераторов и критиков, в творческой атмосфере «Сатирикона», художественный талант его получил бы необходимую огранку, и мы бы сейчас говорили о нем как о художественном явлении не регионального, а национального масштаба.

Значимость и уровень созданного Чудаковым гораздо выше, чем это принято считать. Лучшие из его сатирических стихов вряд ли уступают большей части произведений, печатавшихся в том же «Сатириконе». Не следует забывать и о том, что фельетоны, вошедшие в сборник «Шпильки», — лишь первые пробы пера Чудакова-сатирика, что в полную силу художественный талант этого автора раскроется несколькими годами позже.

1909 год — это разгар реакции, наступивший после поражения первой русской революции. Это было время, когда власть видела в независимой печати

источник опасного вольномыслия, от которого один шаг до революционной крамолы, а потому применяла целый комплекс мер давления на свободное слово: драконовскую цензуру, экономическое удушение независимых печатных органов, административное воздействие, судебное преследование редакторов и авторов. Впрочем, журналистов, писателей, готовых рисковать своим положением и своим благополучием ради сохранения верности идеалам свободы, оставалось к тому времени не так уж много. Особенно в отдаленной провинции, где административное давление на прессу было более грубым, а вмешательство в ее дела — более бесцеремонным, чем в столице или крупных городах европейской России. Саша Черный писал об этом времени в стихотворении «Отбой» (1908):

*По притихшим редакциям,
По растерянным фракциям,
По рутинным гостиным,
За молчанье себя награждая с лихвой,
Несется испуганный вой:
Отбой, отбой,
Окончен бой,
Под стол гурьбой!*

Реакция автора «Шпилек» на эту общественную ситуацию, на нежелание российской интеллигенции открыто заявлять свою гражданскую позицию — «Сказание об Исаакии витязе». В этом сатирическом стихотворении Чудаков аллегорическим сюжетом отвечает на приведенный в эпиграфе вопрос из газетной передовицы: «Итак, за кем же пойдет русская интеллигенция?» Интеллигенцию в произведении представляет витязь, оказавшийся на политическом распутье:

*...«Коль скоро налево пойдешь, молодец,
По самой кремнистой дороге,
Обрящешь колючий терновый венец
И звонкие кольца на ноги.
Трудна та дорога и муки полна,
Найдешь на ней радости мало,
И только на кончике самом видна
Златая заря идеала.
А если средней дорогой пойдешь,
Иную судьбу испытаешь:
Хорошего мало на ней ты найдешь
И мало на ней потеряешь.
В огромное царство она приведет,
Где правит Царица Рутина!
В том царстве обрящешь довольство, почет
И сытый покой мещанина.
Послушай же, витязь, мой добрый совет:
Смелее пускайся по правой.
И будешь не только обут и одет,
Но также вернешься со славой,
Научишься светлые грезы глушить,
Идти против правды и света
И будешь в сердцах православных ты жить
На многие, многие лета!»
Опешил наш витязь, когда прочитал*

Такие с доски наставленья,
 И долго в раздумье затылок чесал:
 Какое же взять направленья?
 Конечные пункты различных дорог
 Мешались и путались вместе.
 К чему же стремиться? решить он не мог
 И начал топтаться на месте.
 За месяцем месяц летит и летит,
 Один, три, десяток... сто... двести...
 А он на распутье, как прежде, стоит,
 И топчется бедный на месте.

Один из традиционных для русской литературы того периода (в том числе для авторов журнала «Сатирикон») объектов сатирического изображения — сонный российский обыватель, равнодушный к тому, что происходит в стране после разгрома революции, безучастный к настоящему искусству, к высоким общественным идеалам, требующим от него жертвенного служения. Обыватель, предпочитающий услаждать свои низменные инстинкты и вкусы, находящийся в состоянии духовного анабиоза. Этому чрезвычайно распространенному в годы реакции человеческому типу посвящено стихотворение Чудакова «Спящий красавец» с подзаголовком «Оперетка в 1 действии». В прозаической прелюдии автор рисует условно-аллегорическое сценическое пространство, на котором и будет разыгрываться «опереточное» действие: «глухой, непроходимый лес», в котором растут огромные деревья с выразительными табличками: «Усиленная Охрана», «Чрезвычайная Охрана», «Военное Положение» и т.п. А между деревьями — множество пней с надписью: «Срублено... 1905 года». Среди леса стоит избушка на курьих ножках, а в ней «сном праведника почивает ОБЫВАТЕЛЬ». К избушке чередой являются аллегорические образы — «тени» прекрасных женщин, которые безуспешно пытаются пробудить обывателя.

Тень: Пусти! Я — тень Культуры!
 Я светом знанья твой хочу нарушить сон!
 Я принесла тебе сокровища скульптуры,
 Науки, зодчества, литературы...
Обыватель: Вон!
 Не надо твоего заморского подарка!
 Уйди! А то проснусь, так небу будет жарко!..

Тень: Скорей пусти меня!
 Я гордая прекрасная Идея!
 Тебя я поведу в волшебные края,
 Где так светло, где дышится вольнее.
 Где Братство, Равенство...
Обыватель: Гони ее по шее!
 Ишь, принесла богатый клад!
 Впусти тебя — тотчас велят
 Пасти Макаровых телят!
 Шалишь! Повертывай назад!..

Первые «тени» с плачем покидают сцену, и тут появляется целый рой других «теней»: «бесстыдные, циничные женщины и мужчины, грубо-обнаженные, с нескромными жестами»:

Первый: Милый, добрый Обыватель!

Отвори, ты будешь рад!

Я — старинный твой приятель —

Необузданный Разврат!

Второй: Отвори ты нам, не труся,

Сон нарушить не жалея!

Порнографией зовуся

Я издавна у людей!..

Остальные голоса: Мы — клубничное искусство,

Наслажденье — наша цель!

Мы в тебе разбудим чувство,

Незнакомое досель!

Обыватель с распростертыми объятиями:

Скорей же, милые друзья!

Забудем мы и сон и горе!

Забуду с вами страхи я

И... запируем на просторе!..

Качества, которые Чудаков наблюдал у большинства российских обывателей (равнодушие, холопство, отказ от высоких идеалов, от борьбы, склонность к низменным, примитивным удовольствиям), вызывали у него острое неприятие.

Большая часть сатирических стихов Чудакова была реакцией на события политической жизни страны и мира. Понятно, что в этих произведениях автор, сторонник социалистических (эсеровских) взглядов, высмеивал своих идейных противников: представителей консервативных и черносотенных партий, одиозных депутатов Государственной думы, недалёковидных и корыстных государственных чиновников и т.п.

Уже сам выбор тем и фактов реальной действительности для фельетонов несёт на себе отпечаток личности автора. Так, Ф. Чудаков не оставлял без насмешливо-язвительных комментариев государственную политику, направленную на реализацию планов премьер-министра П. А. Столыпина по разрушению общинного устройства крестьянской России. Являясь по своим взглядам сторонником эсеровской партии и предлагаемой ею земельной программы, суть которой — укрепление и развитие коллективных, кооперативных, общинных форм общественного и экономического устройства страны, автор «Шпилек» подвергает саркастическим насмешкам депутатов Государственной думы, поддержавших планы правительства. Этой теме посвящен сатирический фельетон «Подвиг»:

*Раз в Таврических хоромax**

Депутаты заседали,

Обсудив мужичью долю,

Ей сюрприз приготавлили:

«Наш мужик и наг и беден, —

Говорили депутаты, —

И ему ужасно вреден

Призрак общины проклятой.

Этот голод, недороды,

* Таврический дворец в Санкт-Петербурге — выдающееся произведение русского классицизма конца XVIII века. Дворец построен в 1783–1789 гг. по указанию Екатерины II для ее фаворита, светлейшего князя Г. А. Потемкина (Таврического). В начале 1900-х годов в Таврическом дворце размещалась Государственная дума.

И прикладыванье к чарке,
 И искание свободы —
 Все лишь общины подарки.
 С давних пор мужик бунтует,
 Полон злобы беспричинной.
 Этот бунт ему диктует
 Тот же старый дух общинный.
 Ведь не даром эту «гадость»
 Защищают так эсеры
 (Чтоб они, стране на радость,
 И все пропали от холеры!).
 Так давайте дружным взмахом
 Уничтожим Минотавра —
 «Им» главу покроем прахом,
 А себе — венком из лавра.
 И, воспрянув с буйным жаром,
 Размахнулись депутаты
 И снесли одним ударом
 Призрак общины проклятой.
 А мужик пустил меж уха
 Депутатские подарки,
 И, стянув покрепче брюхо,
 Снова топит горе в чарке.
 А кулак, весьма довольный,
 В мутной речке рыбу удит...
 Уничтожен дух крамольный...
 Что-то будет, что-то будет?

Как видим, центр тяжести в фельетоне Чудакова, в полном соответствии с законами жанра, перемещен с непосредственного описания событий на их осмысление и анализ, а это немислимо без выражения собственной позиции. А так как позиция сатирика радикально расходилась с позицией органов государственной власти, произведение становилось уязвимым и в цензурном отношении, и с точки зрения возможной реакции административных и судебных инстанций, а также полицейского и жандармского ведомств. Собственно, судьба сборника «Шпильки» и не могла быть иной, благополучной. Книга изначально была обречена. Удивление вызывает не то, что ее изъяли, а то, как автору и издателю удалось напечатать книгу, провести ее через цензуру.

В любом случае нужно отдать должное гражданскому мужеству автора «Шпилек» — беглого ссыльно-поселенца, находящегося под надзором полиции, только что выпущенного из тюремной камеры. Ф. Чудаков не мог не осознавать, что от того, насколько лояльно он ведет себя по отношению к существующему порядку, напрямую зависело его жизненное благополучие, благополучие близких ему людей, возможность заниматься любимым делом, его свобода, наконец, да и вся его дальнейшая судьба.

Несмотря на то что в 1909 году Федор Чудаков только-только начинал ощущать себя амурцем, часть фельетонов он посвятил проблемам местной жизни. Неудивительно, что именно они вызывали наибольший резонанс у амурских читателей. К числу таких произведений можно отнести стихотворный фельетон «Закрытие порто-франко». Небольшая справка: порто-франко (итал. porto franco — свободный порт) — порт, пользующийся правом беспошлинного ввоза и вывоза товаров. Порто-франко не входит в состав таможенной территории

государства и создается с целью оживления приграничной торговли, увеличения товарооборота, с целью насыщения внутреннего рынка дешевыми импортными товарами. В Российской империи порто-франко существовал в Одессе, Феодосии, Батуми, Владивостоке и т.д. Право беспошлинной торговли распространялось и на Благовещенск. Для Приамурья и в целом Дальнего Востока такой режим международной торговли был особенно важен, так как государство не в состоянии было обеспечить население этих удаленных от центра регионов дешевыми российскими товарами.

Исходным началом в фельетоне, как известно, выступает жизненный факт, от которого отталкивается сатирик. Стихотворение Чудакова «Закрытие порто-франко» — реакция автора на решение правительственной комиссии якобы исключительно ради блага простого народа ликвидировать в Приамурье режим беспошлинной, не облагаемой таможенными сборами торговли. А это, понятно, могло привести только к одному — к существенному удорожанию импортных (китайских) товаров, к обеднению их ассортимента и, следовательно, к снижению, в конечном счете, жизненного уровня местного населения, того самого простого народа, о благе которого якобы неустанно пекутся высокие государственные мужи. Стихотворение представляет собой воображаемый, виртуальный диалог, который ведут, с одной стороны, члены правительственной комиссии, объясняющие смысл своего явно лоббистского и по сути антинародного решения, а с другой, «скептический голос», выражающий авторскую позицию.

Финансовая комиссия:

Фортель мы такой устроим:

Порто-франко призакроем

В приамурской стороне.

Этим цены мы устроим

На изделия извне.

Ведь без пошлин и таможен,

Все понятно, невозможен

Быт российских мужиков.

К черту импорт безвозмездный,

Иностранцам лишь полезный!

К черту немцев-маклаков!

Нас китайцы обижают

И работу отбивают

У российских христиан.

Нашим потом набивают

Азиатский свой карман.

Как подымутся расходы,

Так китайцы — ходу-ходу —

Так и бросятся бежать!

Объектом сатирического изображения в этом и ряде других фельетонов Чудакова является такая распространенная и чрезвычайно активная категория государственных деятелей, правительственных чиновников, думских политиков, которая в корыстных целях лицемерно разыгрывает карту «патриотизма». Колоритный образ записного «патриота», картинно плачущего о русском народе и одновременно нарциссически любующегося собой, собирающего свои драгоценные слезы во флакон, нарисован в стихотворном фельетоне Чудакова «Желчные песни», опубликованном в издававшемся в Благовещенске сатирическом журнале «Колючки» (1909–1910):

*Эти слезы я пролил за русский народ!
Эти слезы — печаль мировая!
Бескорыстные слезы! Их лил патриот
За дымящейся чашкою чая!*

Казенных псевдопатриотов, якобы неустанно пекущихся о благе русского народа, якобы защищающих интересы российского государства, а на деле часто решающих свои узкогрупповые и даже коррупционные задачи, Чудаков как человек и как гражданин презирал, а как журналист и писатель высмеивал со всем присущим ему остроумием и язвительностью. Так он поступает и в фельетоне «Закрытие порто-франко», вошедшем в сборник «Шпильки»:

*Скептический голос:
Ну а русскому народу
От чрезмерного расхода
Не придется... подыхать?*

*Комиссия:
О, не верьте диким слухам,
Будто голоден мужик:
Ведь питаться святым духом
Он давным-давно привык.
Значит, будет все так гладко,
Без войны, без громких слов!*

*Голос:
Преклоняюсь пред догадкой
Государственных умов!*

Хотя фельетон «Закрытие порто-франко» воспринимался современниками как злободневный, обращенный к событиям тогдашнего времени, к тогдашней социально-экономической ситуации в Приамурье и в России в целом, он, спасибо сегодняшним чиновникам, до сих пор не утратил своей актуальности.

Среди произведений более позднего периода, ярко иллюстрирующих масштаб сатирического дарования Ф. Чудакова, — стихотворный фельетон «Сотворение Приамурья», опубликованный в газете «Амурское эхо» 13 (26) сентября 1915 года за подписью Гусляр. Произведение построено в форме диалога персонажей индуистской мифологии: Браммы (Брахмы) — верховного божества, творца мира и Сивы (Шивы) — его антагониста. В произведении Чудакова они тоже выведены как антиподы: Брама излучает пафосный, казенный оптимизм, Сива же — воплощение иронии и скепсиса. Благостный и сияющий Брама, сотворив гармоничный по его представлениям мир, в котором есть все («Экватор и тропики зверем кишат, / В умеренном поясе пушки рычат, / Есть камень для каждой могилки / И край Туруханский для ссылки»), собирается почтить, отдохнуть от великих трудов, но тут появляется скептик Сива и напоминает ему, что творец забыл про Приамурье: «Лежит оно вот уж с какого числа / Пустынно и голо, как череп осла». И Брамме приходится нехотя, наспех устранять собственные недоделки, отпуская Амурскому краю то, что осталось:

*Дадим Приамурью мы семь городов
С положенным кворумом стражи.
Там будут обильны различных родов
Растраты, убийства и кражи.*

Процент преступлений там будет высок,
 А около города будет острог,
 Чтоб житель без лишней заботы
 Шагал в арестантские роты.
 Насыплем там золота в русла ключей,
 В наносные мели, в овраги, —
 Пусть это заставит досужих людей
 Просить у правительства драги.
 А умные люди построят амбар,
 Сберут туда всякий негодный товар,
 И будут они, между прочим,
 Питаться китайским рабочим.
 И будет основою блага везде
 Китаец, отверженный парий.
 А там и проблема о «желтом труде»
 Родится в тиши канцелярий.
 И будут китайцев туда не пущать,
 Потом разрешать, и опять запрещать,
 А приставу будут доходы
 И с желтой, и белой породы...

Сегодня, спустя век, можно в полной мере оценить остроумие автора, остроту, меткость, художественную выразительность, а главное, неувядающую актуальность сатиры Ф. Чудакова. Его фельетоны выдержали самое трудное испытание — временем. А все потому, что его перо нацелено было не на бытовое мелкотемье, а на явления масштабные, государственно, национально и социально значимые.

После Февральской революции Федор Иванович сотрудничал в эсеровской газете «Народное дело», в начале 1918 года редактировал еженедельный сатирический журнал «Дятел, беспартийный» (всего вышло семь номеров). Как писал А. В. Лосев в аннотированном указателе «Приамурье в художественной литературе», октябрьский переворот 1917 года Чудаков встретил враждебно, критиковал большевиков с позиций «беспартийного» демократа. 28 февраля (13 марта по новому стилю) 1918 года Ф. И. Чудаков покончил жизнь самоубийством. Подобности его смерти ужасают. Приняв совместное решение уйти из жизни, Федор Иванович и его жена взяли на себя тяжкий грех — насильственно оборвали жизнь своей единственной дочери Наташи, родившейся в 1909 году.

Какова причина столь трагического исхода? Предсмертная записка ясности не вносит. Она гласит: «Ко всем. Прощайте! Уходим от вас честными и чистыми: на наших руках нет крови. Будьте счастливы! Да здравствует разум! Федор Чудаков. В. И. Чудакова. 28 февраля».

Из этой записки видно, что Федор Иванович первоначально не собирался проливать кровь родных ему людей. Как выяснили газетные репортеры, судя по всему, Чудаковы решили покончить с собой с помощью угарного газа, постелив общую постель на полу в прихожей и закрыв раньше времени печные заслонки. Однако спустя какое-то время взрослые пришли в себя. Дочь была мертва (а может быть, находилась в бессознательном состоянии). Выбора не было. Остаться в живых после смерти дочери было выше их сил. И тогда Федор Иванович вспомнил о хранившемся в доме двуствольном охотничьем ружье. Первый выстрел Чудаков, по-видимому, произвел в дочь. Вдвоем с Варварой Ипполитовной они сложили руки ребенка на груди. Вторым выстрелом Федор Иванович покончил с женой. После этого он подозвал к себе любимую собачку Максимку, неоднократно упоминавшуюся в его юмористических рассказах и

очерках, и тоже застрелил ее. Затем выстрелил себе в рот. Смерть наступила, по-видимому, мгновенно.

Как комментировали газеты того времени, главной причиной трагического ухода из жизни талантливого поэта стало то, что он не смог перенести дискредитации святых для него революционных идеалов, веры в разум, честь и свободу... Понять истинный смысл этих слов нельзя без обращения к историческому контексту.

Что же происходило в те дни в Благовещенске, что могло спровоцировать самоубийство? С 6 по 13 марта 1918 года здесь разворачивались драматические события, получившие название Гамовский мятеж. С января в городе фактически установилось двоевластие: городской Совет рабочих и солдатских депутатов провозгласил власть Советов, а земская управа, поддержанная казачьим войсковым правлением, отстаивала полномочия органов местного самоуправления. Непримиримые политические противоречия переросли в открытое столкновение, в результате которого город был захвачен отрядами добровольной гражданской милиции, сформированной земскими органами. Атаман Гамов был назначен военным руководителем исполкома Народного совета, сформированного из руководителей областной земской и городской управ. В Благовещенске прошли массовые аресты членов Совета, красногвардейцев, комиссаров. Сторонники советской власти отступили в Астрахановку, где начали формировать вооруженные отряды для захвата (или освобождения — это как посмотреть) города. Решающие события произошли 12 марта, когда отряды Красной гвардии повели наступление на Благовещенск. Бои на улицах города были жестокие и кровавые, применялась артиллерия, использовались пулеметы. К вечеру Благовещенск был в руках войск революционного штаба, а 13-го, в день самоубийства Чудаковых, оказались подавлены все оставшиеся к тому времени очаги сопротивления. Жертвами этих событий стали, по самым скромным подсчетам, более двухсот человек.

В эти страшные дни до Федора Ивановича доходили слухи о гибели друзей, об убийствах безоружных граждан в их квартирах, о грабежах и всяческих насилиях, о валяющихся на улицах раздетых донага трупах «буржуев», о залитых кровью тротуарах. Во всех этих рассказах, конечно, было много преувеличений, но в общих чертах они вполне отвечали кошмарной действительности. Знакомые поэта свидетельствовали, что в дни уличных боев Чудаков ждал, когда к нему придут мародеры и избавят от необходимости быть свидетелем той мерзости, которая творилась святым для него именем — именем революции. И якобы, когда он увидел, что «избавители» не являются к нему, — «решил сам избавиться себя и свою семью от дальнейших душевных мук и страданий за оплеванную и поруганную веру в святое дело революции».

